

в сахаре. Мухи сейчас, конечно, догадались, для чего все это делается, и лезли из чувства благодарности прямо в тазик с вареньем. Аленушка тоже очень любила варенье, но мама давала ей всего одну или две ложечки, не желая обижать мух. Так как мухи зараз не могли съесть всего, то Аленушкина мама откладывала часть варенья в стеклянные банки и потом подавала его каждый день мухам, когда пила чай.

— Ах, какие все добрые и хорошие! — восхищалась молодая Мушка, летая из окна в окно. Ах, как хорошо жить на свете!..

— Ну, люди уж не совсем такие добряки, как ты думаешь, — заметила старая Муха, любившая поворчать. — Это только так кажется... Ты обратила внимание на Аленушкиного папу?

— О, да... Это очень странный человек. Для чего он курит свою трубку, когда отлично знает, что я совсем не выношу табачного дыма? Я раз пробовала чернил, которыми он что-то такое вечно пишет, и чуть не умерла... Я своими глазами видела, как в его

чернильнице утонули две такие хорошенькие, но совершенно неопытные мушки. Это была ужасная картина, когда он пером вытащил одну из них и посадил на бумагу великолепную кляксу... Представьте себе, он в этом обвинял не себя, а нас же! Где справедливость?..

II

Лето стояло жаркое, и с каждым днем мух являлось все больше и больше. Они падали в молоко, лезли в суп, в чернильницу, жужжали, вертелись и приставали ко всем. Но наша маленькая Мушка успела сделаться уже настоящей большой мухой и несколько раз чуть не погибла. В первый раз она увязла ножками в варенье, так что едва выползла; в другой раз, спросонья, налетела на зажженную лампу и чуть не спалила себе крылышек.

— Что это такое: житья от этих мух не стало! — жаловались все. Так и лезут везде... нужно их изводить...

Раз утром Аленушкина мама вместе с провизией принесла пачку очень вкусных бу-

мажек, т.-е. они сделались вкусными, когда их разложили на тарелочки, обсыпали мелким сахаром и облили теплой водой.

Мухи догадались, что это делается для них, и веселой гурьбой накинулись на новое кушанье.

Дальше произошло что-то ужасное. Самые жадные мухи поплатились первыми... Они сначала бродили, как пьяные, а потом и совсем свалились. На утро вымели целую тарелку мертвых мух. Остались живыми только

самые благоразумные, а в том числе — и наша Муха.

На следующий день повторилось то же самое. Но людям все казалось, что мух еще слишком много. Аленушкин папа принес три стеклянных очень красивых колпака, налил в них пива и поставил на тарелочки... Тут попались и самые осторожные мухи. Оказалось, что эти колпаки — просто мухоловки. Мухи летели на запах пива, попадали в колпак и там погибали, потому что не умели найти выхода.

Наша Муха перестала совсем верить людям. Они только кажутся добрыми, эти люди, а на самом деле только тем и занимаются, что обманывают доверчивых, бедных мух.

Мух сильно поубавилось от всех этих неприятностей, а тут новая беда. Оказалось, что лето прошло, начались дожди, подул холодный ветер, и вообще, наступила неприятная погода.

— Неужели лето прошло? — удивлялись оставшиеся в живых мухи. — Позвольте, когда

же оно успело пройти? Не успели оглянуться, а тут осень.

Это было похуже отравленных бумажек и стеклянных мухоловок. От наступавшей скверной погоды можно было искать защиты только у человека. Увы! теперь уже окна не отворялись по целым дням, а только изредка — форточки. Даже само солнце и то светило для того, чтобы обманывать доверчивых комнатных мух. Оно так весело заглядывает во все окна, точно приглашает всех мух в сад. Можно подумать, что возвращается опять лето... И что же, — доверчивые мухи вылетают в форточку, но солнце только светит, а не грет. Они летят назад, — форточка закрыта. Много мух погибло таким образом в холодные осенние ночи.

Понятно, что с наступлением осени все мухи испытывали самое дурное настроение духа. О прежних радостях не было и помину. Все сделались такими хмурыми, вялыми и недовольными. Некоторые дошли до того, что начали даже кусаться, чего раньше не было.

Мухи умирали сотнями. Даже не умирали, а точно засыпали. С каждым днем их делалось все меньше и меньше, так что совершенно было не нужно ни отравленных бумажек, ни стеклянных мухоловок.

III

Раз утром наша Муха проснулась довольно поздно. Она давно испытывала какую-то непонятную усталость и предпочитала сидеть неподвижно в своем уголке, под печкой. А тут она почувствовала, что случилось что-то необыкновенное. Она подлетела к окну и все поняла сразу. Выпал первый снег... Земля была покрыта ярко белевшей пеленой.

— А, так вот какая бывает зима! — сообразила она сразу. — Она совсем белая, как кусок хорошего сахара...

Потом Муха заметила, что все другие мухи исчезли окончательно. Бедняжки не перенесли первого холода и заснули, кому где случилось.

Наша Муха облетела все комнаты и убедилась, что она совершенно одна. Как хорошо, что в комнатах так тепло! Зима — там на улице, а в комнатах и тепло, и светло, и уютно, особенно, когда вечером зажигали лампы и свечи. С первой лампой, впрочем, вышла маленькая неприятность. Муха налетела, было, опять прямо на огонь и чуть не сгорела.

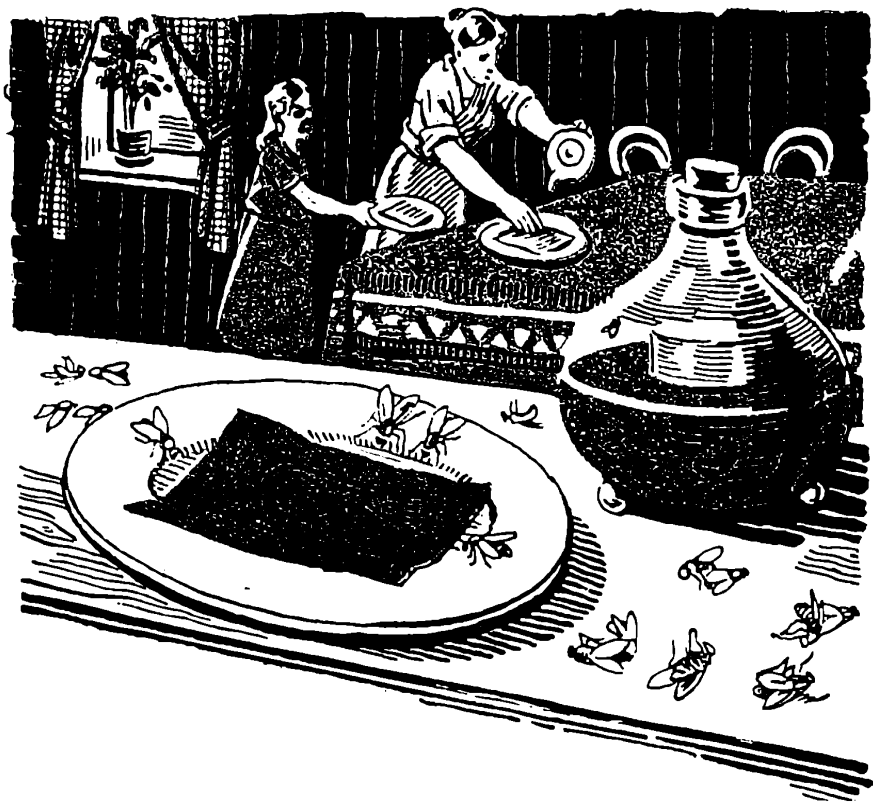
„Это, вероятно, зимняя ловушка для мух“, — сообразила она, потирая обожженные лапки. „Нет, меня не проведете... О, я отлично все понимаю!.. Вы хотите сжечь последнюю муху? А я этого совсем не желаю.. Тоже вот и плита в кухне, — разве я не понимаю, что, это тоже ловушка для мух!“...

Последняя Муха была счастлива всего несколько дней, а потом вдруг ей сделалось так скучно, что и не рассказать. Ей было тепло, она была сыта, и все же она стала скучать. Полетает, полетает, отдохнет, поест, опять полетает, — и опять ей делается скучнее прежнего.

— Ах, как мне скучно! — пищала она самым жалобным тоненьким голосом, летая из

комнаты в комнату. — Хоть бы одна была мушка еще, самая скверная, а все-таки мушка.

Как ни жаловалась последняя Муха на свое одиночество, — ее решительно никто не хо-

тел понимать. Это ее злило еще больше, и она приставала к людям. Кому на нос сядет, кому на ухо, а то примется летать перед глазами взд и вперед.

Последняя Муха надоела и собаке, и кошке, решительно всем.

Летает, жужжит, пищит... Сидевший в углу Паук, наконец, сжалился над ней и сказал:

— Милая Муха, иди ко мне... Какая красивая у меня паутина!

— Покорно благодарю... Вот еще нашелся приятель! Знаю я, что такое твоя красивая паутина.

— Как знаешь, я тебе же добра желаю.

— Ах, какой противный! Это называется — желать добра: съесть последнюю муху!..

Они сильно повздорили, и все-таки было скучно, так скучно, что и не расскажешь.

Муха припоминала минувшее летнее веселье. Сколько было веселых мух; а сейчас она совершенно одна.

Зима тянулась без конца, и последняя Муха начала думать, что лета больше уже не будет совсем.

Как вдруг случилось нечто совершенно особенное. Она, по обыкновению, сидела в своем уголке и сердилась, как вдруг слышит: — жж-жж!.. Мимо нее пролетела настоя-